

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/478/29

Стратегические аспекты цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений

Александр Борисович Смушкин¹

¹ *Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, Skif32@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется общий подход к пониманию категории «стратегия» и через призму этого определяется, что стратегия может рассматриваться как неотъемлемый элемент моделирования путей достижения ожидаемого результата. На основе анализа общих критериев концепции стратегического планирования и подходов различных авторов к структуре стратегии автором предлагается свое видение стратегических аспектов цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений. Последовательно рассматриваются все элементы стратегии цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений.

Ключевые слова: стратегия, цифровая трансформация, расследование, раскрытие и предупреждение преступлений, контекст цифровой трансформации, стратегические цели цифровой трансформации

Для цитирования: Смушкин А.Б. Стратегические аспекты цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 244–250. doi: 10.17223/15617793/478/29

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/29

Strategic aspects of digital transformation of investigation, detection and prevention of crimes

Aleksandr B. Smushkin¹

¹ *Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, skif32@ya.ru*

Abstract. The aim of the work is to analyze the general criteria of the concept of strategic planning and existing approaches to the structure of the strategy, and to develop on this basis the author's own concept of strategic aspects of digital transformation of investigation, detection and prevention of crimes. The following components are attributed to the structure of this complex in the work: the focus of consideration (the task of the strategy); context (external and internal conditions affecting the achievement of the goal); current state; strategic goals (desired state); natural future (without the influence of planned changes); the gap between the current state and the natural future (problems hindering development in the direction of strategic goals); participants and stakeholders; additional conditions; solution. The author consistently examines each element of the transformation strategy of investigation, detection and prevention of crimes employing the universal dialectical method, the general scientific methods of analysis, synthesis, modeling, extrapolation, and others. The author considers options for solving the identified problems in the form of a social order for the development of a full-scale step-by-step digital transformation strategy, expressed in the form of grant or contractual scientific research, conceptual development of these issues in monographic-level research, improvement of the level of material and technical equipment of law enforcement agencies, expansion of the "digital competencies" acquired during higher professional education, organization of the exchange of "digital" experience, activation of the development of digital platforms of law enforcement agencies with subsequent integration into an ecosystem, etc. The author argues that, in a strategic perspective, the following theories and concepts should organically enter into the unified concept of digital transformation of investigation, detection and prevention of crimes: general issues of digital transformation, the theory of electronic digital criminalistics (taking into account the consideration of issues of working with electronic digital information, its carriers and information technology devices, as well as the corresponding group of traces), the conception of digital technologization and innovative development of criminalistics, the conception of "electronic" investigative actions, the conception of remote criminalistics, the conception of electronic evidence, the conception of electronic justice, and some others. In addition, as a conclusion, the author states that the development and implementation of a digital transformation strategy for the investigation, detection and prevention of crimes will help to increase the targeting of efforts, identify problems in this area, effectively develop the transformation itself, decriminalize cyberspace and reduce the technological backlog of Russian law enforcement agencies.

Keywords: strategy, digital transformation, investigation of crimes, detection of crimes, prevention of crimes, context of digital transformation, strategic goals of digital transformation

For citation: Smushkin, A.B. (2022) Strategic aspects of digital transformation of investigation, detection and prevention of crimes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 244–250. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/29

Существует множество определений категории «стратегия». Несмотря на то, что термин «стратегия» имеет военное происхождение, наибольший вклад в теоретическое осмысление данной категории внесли разработчики вопросов управления, менеджмента.

Так, Рассел Акоф определяет стратегию как «...процесс принятия и оценки целого ряда взаимосвязанных решений, предваряющих определенную деятельность... которые определяют... желаемое будущее состояние...». [1. С. 131–133].

Майкл Портер указывает, что «стратегия – это создание уникальной и выгодной позиции, предусматривающей определенный выбор видов деятельности» [2. С. 65].

Авторы толкового словаря под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой полагают, что «стратегия – искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах» [3. С. 605].

Нам же представляется, что стратегия может рассматриваться как неотъемлемый элемент моделирования путей достижения ожидаемого результата. С подобным рассмотрением стратегии как модели действий в общих чертах соглашаются и некоторые другие авторы [4]. В.С. Просалова и Е.Н. Смольянинова, в свою очередь, стратегию рассматривают как базу для модели: «Стратегия – это система взаимосвязанных элементов управленческих решений, позволяющих на основе анализа влияния совокупных факторов и ресурсного потенциала организации разрабатывать и реализовывать модель ее будущего развития» [5. С. 14]. Д.С. Хижняк в своем определении стратегии также подчеркнул ее использование при моделировании. Стратегию он рассматривает в качестве «...разновидности целенаправленного системного моделируемого подхода, направленного на перспективное планирование субъектно-объектных отношений, особого инструмента организации деятельности и управления явлениями определенной сферы общественной жизни, “доминирующего курса”, выбранного варианта деятельности, направленного на изменение или модификацию объекта этой сферы» [6. С. 32].

Концепция стратегического планирования основывается на следующих основных положениях:

- стратегия ориентирована на долгосрочную перспективу;
- стратегия основана на возможностях ресурсов организации;
- стратегия учитывает изменения внешней среды;
- стратегия предусматривает альтернативные пути развития организации в случаях изменения внутренней и внешней среды;
- стратегия мобилизует ресурсы организации и направляет их на достижение поставленной цели [7. С. 21].

Основываясь на анализе предлагаемых учеными структур стратегий [8–13], полагаем возможным

предложить собственное видение стратегических аспектов цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений.

Мы полагаем, что структуру данного комплекса должны составлять следующие компоненты: фокус рассмотрения (задача стратегии); контекст (внешние и внутренние условия, влияющие на достижение цели); текущее состояние; стратегические цели (желаемое состояние); естественное будущее (без влияния планируемых изменений); разрыв между текущим состоянием и естественным будущим (проблемы, мешающие развитию в направлении стратегических целей); участники и заинтересованные лица; дополнительные условия; решение.

Компонент «фокус рассмотрения» должен включать повышение уровня цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений.

Современный контекст цифровой трансформации – это пандемия, санкционная война, тренд на импортозамещение, ограниченное финансирование, быстрое развитие цифровой техники, биометрической техники, безбумажного делопроизводства, беспилотной техники, движение России к цифровой экономике, наличие тренда на цифровую трансформацию социально-экономической сферы, активная компьютеризация преступлений, когда использование электронных устройств становится элементом способа совершения далеко не только компьютерных преступлений.

Дополнительные условия: при разработке стратегических аспектов цифровой трансформации обязательно должны быть учтены требования по импортозамещению, защите информации, унификации и стандартизации аппаратно-программного обеспечения;

Участниками цифровой трансформации в рассматриваемой сфере должны стать руководители и сотрудники следственных органов, а также научное общество.

Текущее состояние характеризуется следующим: в уголовно-процессуальном законодательстве – наличие только отдельных норм, связанных с цифровой информацией (изъятие электронных носителей информации, получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами и т.д.); в уголовно-процессуальной науке – разработка основ теории электронных доказательств, концепции «электронного правосудия» и т.д.; в криминалистике – широкое распространение идей цифровизации, разработка вопросов работы с цифровой информацией, криминалистического исследования компьютерных и компьютеризированных устройств, наличие разработок частных теорий цифровой криминалистики (и аналогичных), разработка основ рекомендаций по работе следователя с компьютерной информацией и техникой, «цифровыми следами», отрывочные разработки в области применения или исследования неко-

торых электронных разработок в криминалистических целях: использование компьютерно-опосредованной (виртуальной) реальности в работе правоохранительных органов, применение больших данных (Big data), Интернета вещей (Internet of Things), электронных датчиков и систем (в том числе и автомобильных), информации «умных» носимых устройств и иных электронных носимых устройств (гаджетов) в криминалистических целях, исследования облачных сервисов и иных сервисов распределенного хранения и использования информации, криптографические и стеганографические исследования в криминалистике и некоторые другие вопросы. Однако следует отметить, что эти исследования ведутся разрозненно, зачастую на уровне отдельных статей или выступлений на конференциях, без связи друг с другом, что не позволяет выстроить единую внутренне непротиворечивую теорию, хотя они и формируют локальные пути ее развития, отдельные элементы теории.

Стратегические цели: эффективная работа органов следствия как с электронной информацией в любой ее форме и местонахождении, так и с помощью электронных устройств с традиционными следами, декриминализация киберпространства или по крайней мере существенные подвижки в этом направлении [14. С. 81].

Естественное будущее в случае развития инерционного сценария: безнадежное отставание следственных структур от криминальных вследствие разницы технического потенциала и парадигмы мышления, глобальное ухудшение результативности раскрываемости преступлений.

Разрыв между текущим и желаемым состоянием характеризуется следующими проблемами цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений.

1. Недостаток финансирования и технического обеспечения. Если на вооружение в городах федерального значения и просто крупных городах новинки криминалистической цифровой техники поступают относительно быстро, то компьютерная техника в регионах, а особенно в небольших населенных пунктах, может отставать на несколько поколений.

2. Отсутствие четкого представления о процессе и цели, в первую очередь на федеральном уровне, что зачастую приводит к непродуманной цифровизации, дублированию усилий, повышенным материальным и процессуальным затратам. В сфере деятельности правоохранительных органов, конечно, разработаны и действуют некоторые нормативные акты: Приказ Генерального прокурора РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года»¹, Распоряжение МВД России от 29 декабря 2020 г. № 1/15065 (ред. от 08.09.2021) «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2021–2023 годы»² и др. Однако данные акты не содержат четкого подхода к определению природы цифровой трансформации, ее итоговым целям и представляют собой нечто типа «дорожной карты»

Последствиями непродуманной цифровизации также могут являться

- потеря цифрового суверенитета государства, угроза национальной безопасности;

- дискриминация отдельных групп граждан из-за трудностей доступа к цифровым технологиям (цифровая эксклюзия);

- непреднамеренное создание алгоритмов и систем принятия решений, дискриминирующих отдельные группы населения (из-за недостаточно тщательного отбора данных для обучения алгоритмов, предвзятости алгоритмов и т.д.);

- нарушение приватности граждан в результате тотальной слежки, сбора и обработки больших объемов данных (в большом массиве разрозненные данные работают как персональные);

- скрытые манипуляции (системы скоринга и таргетинга, которые фактически используются без уведомления граждан и могут влиять на принятие важных жизненных решений, например при голосовании);

- массовое мошенничество с использованием цифровых технологий и социального инжиниринга;

- конфликт интересов общества и отдельных групп граждан и общественное неприятие инициатив (в том числе из-за отсутствия информационной поддержки и работы с общественным мнением);

- принятие на государственном уровне неверных решений с далеко идущими последствиями в виде финансовых, репутационных и иных потерь для государства;

- непреднамеренное нарушение законодательства госслужащими по причине неэтичного использования данных, повлекшего за собой значительный ущерб [12. С. 40].

3. Несовершенство законодательства в сфере цифрового развития. Так, законодательство о проведении госзакупок практически не учитывает специфику IT-сферы, что существенно ограничивает участие в соответствующих торгах аутсорсинговых компаний, фрилансеров, отсекает покупки цифровых инструментов через маркетплейсы, не учитывает скорости появления новых продуктов и «стартапов» на цифровом рынке. Некоторые авторы отмечают, что заказчики, а иногда и поставщики, вынуждены «обходить» законодательство не в корыстных интересах, «а для вполне добросовестных целей: повысить качество итогового результата закупки, успеть провести закупку в установленный короткий срок или скорректировать изначальное техническое задание с учетом изменившихся приоритетов» [15].

4. Отсутствие подготовленных к расследованию с использованием цифровых технологий сотрудников. К сожалению, крайне мало сотрудников владеет компьютером и иными электронными устройствами на уровне даже «опытного пользователя» и знает все возможности аппарата, не говоря уже про оперирование новыми цифровыми концепциями (облачные сервисы, удаленная работа на компьютере, распределенная информация или распределенные вычисления). В ходе проведенного нами опроса респонденты в

большинстве своем указали на использование возможностей электронной техники лишь на 25–30%. Цифровые компетенции только в 2021 г. начали вводиться в рабочие программы дисциплин юридических вузов и факультетов. Кроме того, как верно отметил А.А. Рудых, «...ограничения в деятельности субъектов расследования, обусловленные территорией обслуживания и контактным способом работы, создают последним потенциально “невыгодные” условия, в отличие от преступников, совершающих экстерриториальные преступления в сфере информационных технологий» [16. С. 73]. В целях снижения влияния указанных факторов на результативность правоохранительной деятельности Д.А. Степаненко обоснованно предлагает научное разделение труда и подготовку специалистов-криминалистов в конкретных отраслях знаний (программирование, криптография, системное администрирование) с территориальным разделением по отраслям и трансляцией необходимой информации по каналам связи, без необходимости физического перемещения носителей информации [17. С. 109].

5. Зачастую у руководителей, ответственных за цифровую трансформацию, имеет место несоответствие целеполагания целям цифровой трансформации. Так, возможны подмена реальной цифровой трансформации на показную, приписывание цифровых показателей в отчетности и использование малейшего повода для саморекламы, продвижения информации о разовых случаях использования цифровой техники как о высокой цифровой культуре. Можно также отметить размен на легко достижимые цели, связанные с оцифровкой, в ущерб более глобальным – цифровой трансформации

6. Отсутствие четкого понимания разницы между автоматизацией, оцифровкой, цифровизацией и цифровой трансформацией. Даже среди ученых нет единства во мнениях, но все-таки большинство склоняется к тому, что автоматизация – это расширение использования автоматических или автоматизированных устройств для выполнения отдельных функций в ходе расследования, оцифровка (digitization) представляет собой переход к цифровым данным вместо аналоговых, цифровизация (digitalization) подразумевает общее насыщение следственной деятельности цифровыми технологиями.

Д.А. Степаненко и В.В. Коломинов указывают, что «цифровизация всех сфер деятельности в криминалистике может быть рассмотрена в нескольких аспектах:

- использование цифровых технологий для повышения эффективности поисково-познавательной деятельности следователя, эффективной организации этой деятельности на современном уровне (НОТ следователя), оптимизации взаимодействия различных органов, учреждений при расследовании преступлений;

- использование ИКТ для расследования преступлений. Широкое распространение информационных компьютерных технологий способствует дальнейшим разработкам в области алгоритмизации процесса расследования преступления в целом и отдельных его этапов;

- решение дидактических задач в сфере подготовки, переподготовки, повышения квалификации следователей, следователей-криминалистов, судебных экспертов, повышения их квалификации, обмена опытом» [18. С. 42].

Цифровизацию расследования, в широком смысле, можно рассматривать как накопление основы, базы для цифровой трансформации, при которой происходит качественное изменение явления. То есть в данном случае имеет место реализация диалектического принципа перехода количества в качество: количества изменений в качество явления. Как верно отметил Ю.И. Грибанов, цифровая трансформация – это «фундаментальный процесс, который переживает мировое сообщество, адаптируясь к новым условиям и предпочтениям общества цифровой экономики. То есть digital-трансформация – это не столько технологии, сколько изменение мышления в новых условиях новой цифровой экономики» [19. С. 24].

Цифровая трансформация следственной деятельности – это сквозные преобразования процессов и явлений этой деятельности, включающие множество относительно автономных концепций и элементов, в совокупности влияющих на весь процесс расследования, изменение практик в области принятия решений и даже самого криминалистического мышления.

7. Отсутствие достаточной цифровой культуры – готовности к цифровому развитию и гибкости во внедрении новых цифровых технологий, новых парадигм. Можно образно заметить, что хотя технологии в следственную деятельность внедряются и цифровые, но мышление следователей и лиц, ответственных за внедрение соответствующей техники, осталось еще «аналоговым».

8. Отсутствие достаточных методологических указаний из соответствующих аналитических центров. На настоящий момент отсутствует единая концепция цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений. Имеющиеся же эпизодические разработки ограничены форматом пускай крупной, входящей в международные базы цитирования, но статьи. Отсутствие же концептуальных разработок в научной сфере приводит и к изолированным методическим рекомендациям, не всегда взаимосвязанным друг с другом и не обеспечивающим комплексную, системную трансформацию.

9. Недостаточно организованное взаимодействие, конкуренция вместо коммуникации, кооперации и консолидации усилий и ресурсов между отдельными правоохранительными органами и спецслужбами. Указанные обстоятельства препятствуют внедрению единой цифровой платформы и использованию единых цифровых инструментов. Между тем консолидация, унификация и стандартизация являются неотъемлемыми принципами цифровой трансформации.

10. Дефицит кадров и компетенций для цифровой трансформации. Данный дефицит связан прежде всего с тем, что до недавнего времени цифровые компетенции не являлись неотъемлемым элементом программ подготовки юристов и специалистов в области право-

охранительной деятельности. Специфические цифровые продукты, используемые при расследовании, часто только упоминаются в курсе криминалистики или вообще не называются в связи с недостатком учебного времени или квалификацией педагогов.

11. Низкая доступность цифровых решений обусловлена невозможностью рядовых сотрудников влиять на выбор техники, которая официально ставится на вооружение. Зарубежные цифровые решения в связи с политикой импортозамещения практически не используются в правоохранительной деятельности, да и стоят недешево. Что касается отечественных разработок, можно отметить сложность доступа к государственным закупкам частных разработчиков программ и участников небольших «стартапов». Кроме того, имеются и случаи явно неудачных заказов или злоупотреблений со стороны подрядчиков (поставщиков). Так, в августе 2015 г. МВД РФ подписывало контракт с отечественной фирмой на разработку возможностей взлома сети TOR³. Однако исполнитель не сумел выполнить контракт в срок [20].

12. Большая загруженность конкретных сотрудников, не позволяющая им полномасштабно повышать свою квалификацию и приобретать необходимые компетенции, а также активно внедрять цифровые технологии в свою деятельность. Так, по данным К.Д. Титаева и М.С. Шклярук, «в производстве среднего следователя всегда находится 13,1 дела, в месяц он получает 6,4 новых дела. Медианное количество дел в производстве равно 9, а новых – 4. Средний следователь МВД рассматривает за год 33 материала проверок, из которых по 30 возбуждает дела» [21. С. 64–65]. При этом авторы оговариваются, что эти данные слишком консервативны, поскольку основаны на официальной статистике, кроме того, это данные 5-летней давности. Следовательно, реальная актуальная загруженность превышает заявленные показатели. Рабочий день следователя может длиться до 40 часов. С учетом подобной загруженности сложно повышать свою цифровую квалификацию и приобретать новый опыт.

13. Отсутствие налаженных и эффективных механизмов обмена опытом и успешными практиками внедрения элементов цифровой трансформации.

14. Отсутствие единой концепции цифровых платформ и цифровых экосистем.

15. Отсутствие единой концепции использования нейросетей и искусственного интеллекта в ходе расследования, раскрытия и предупреждения преступлений. Не умаляя работы Д.А. Степаненко, Д.В. Бахтеева и других отечественных и зарубежных авторов [22–29], отметим лишь, что вопрос использования искусственного интеллекта в криминалистике и уголовном судопроизводстве на настоящий момент еще не вышел на концептуальный уровень, однако в последнее время начали появляться монографии, посвященные отдельным вопросам применения искусственного интеллекта [30–32]. Так, неразрешенной осталась так называемая «проблема черного ящика» когда ученые или иной программно-аппаратный комплекс уже не могут пошагово объяснить, как конкретный искусственный интеллект пришел к итоговому выводу.

Решением представленных проблем может служить социальный заказ на разработку полномасштабной пошаговой стратегии цифровой трансформации, выраженный в виде грантовых или хоздоговорных научных исследований, а также концептуальная разработка данных вопросов в монографических и диссертационных исследованиях. В рамках таких исследований при согласовании с практическими работниками должны быть определены цели цифровой трансформации и основные вехи ее процесса, разработаны предложения по оптимизации законодательства. Повышение финансового и материально-технического обеспечения правоохранительных органов является неотъемлемым условием их цифровой трансформации и развития в России цифровой экономики. Представляется также необходимым в рамках подготовки специалистов юридической сферы особое внимание уделять приобретению «цифровых компетенций», ознакомлению обучающихся с современными и перспективными цифровыми технологиями, используемыми в ходе расследования, чему могут служить соответствующие учебные курсы, внедряемые в учебных заведениях⁴. Следует также уделить особое внимание обмену «цифровым» опытом в рамках курсов повышения квалификации и публикаций в периодических источниках. Особо удачный опыт должен отображаться в аналитических записках, аккумулироваться и использоваться централизованно при разработке методических рекомендаций.

В рамках цифрового взаимодействия следственных органов представляется необходимой разработка единой платформы с возможностью дистанционного доступа к автоматическим базам данных и АИПС с использованием цифровой подписи, биометрической идентификации личности или иных идентификаторов. Вопросы идентификации и аутентификации сотрудников правоохранительных органов в рамках работы в соответствующих цифровых решениях были уже достаточно подробно рассмотрены Д.А. Степаненко и А.А. Рудых [33].

Следует разработать единую концепцию цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений, в которую, на наш взгляд, должны в качестве компонентов органично войти следующие теории и концепции: общие вопросы цифровой трансформации, теория электронной цифровой криминалистики (с учетом рассмотрения вопросов работы с электронной цифровой информацией, ее носителями и информационно-технологическими устройствами, а также соответствующей группой следов), концепция цифровой технологизации и инновационного развития криминалистики, концепция «электронных» следственных действий, концепция дистанционной криминалистики, концепция электронных доказательств, концепция электронного правосудия и некоторые другие.

Таким образом, разработка и реализация стратегии цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений будет способствовать повышению адресности усилий, выявлению проблем в данной сфере, эффективно-

му развитию самой трансформации, декриминализации киберпространства и сокращению технологического отставания российских правоохранительных органов.

Примечания

¹ Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года : приказ Генерального прокурора РФ от 14.09.2017 № 627 // Генеральная прокуратура РФ. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/627.pdf> (дата обращения: 23.07.2021).

² Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2021–2023 годы : распоряжение МВД России от 29.12.2020 № 1/15065 (ред. от 08.09.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398852/ (дата обращения: 29.10.2021).

³ МВД подписало контракт на проведение исследований возможности взлома анонимной сети TOR // SecurityLab.ru. URL: <http://www.securitylab.ru/news/456957.php> (дата обращения: 25.04.2021).

⁴ Так, автором разработаны и внедрены в учебный процесс магистратуры ФГБОУ ВО «Поволжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России) и ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» учебные курсы по основам электронной цифровой криминалистики и по цифровизации криминалистической деятельности соответственно.

Список источников

1. Акофф Р. Акофф о менеджменте : пер. с англ. / под ред. Л.А. Волковой. СПб. : Питер, 2002. 447 с.
2. Портер М. Конкуренция : учеб. пособие : пер. с англ. М. : Вильямс, 2001. 602 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений. М. : Азъ Ltd., 1992. 907 с.
4. Карлофф Б. Деловая стратегия: концепция, содержание, символы : пер. с англ. М. : Экономика, 1991. 238 с.
5. Просалова В.С., Смолянинова Е.Н. Теоретические подходы к формированию дефиниции стратегии // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2011. № 4 (127). С. 9–16.
6. Хижняк Д.С. Методологические основы расследования транснациональных преступлений: модельный подход : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 488 с.
7. Просалова В.С. Теоретические основы понятия «Стратегия» // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2011. № 7. С. 19–23.
8. Ансофф И. Стратегическое управление. М. : Экономика, 1989. 519 с.
9. Виханский О.С. Стратегическое управление. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1995. 292 с.
10. Минцберг Г., Куин Дж.Б., Гошст С. Стратегический процесс : пер. с англ. / под ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб. : Питер, 2001. 684 с.
11. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Д. Школы стратегий. СПб. : Питер, 2000. 330 с.
12. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е.Г. Потаповой, П.М. Потеева, М.С. Шклярук. М. : РАНХиГС, 2021. 184 с.
13. Сури А.В. Принципы разработки стратегии развития г. Москвы // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2008. № 1. С. 1–18.
14. Степаненко Д.А. Киберпространство как модулятор процесса расследования преступлений и развития криминалистической науки // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1 (27). С. 77–88.
15. Система государственных закупок в России: конкуренция против качества? : отчет о НИР / НИОКР / А. Конов, И. Бегтин, Н. Горбачева и др.; под ред. М. Комина. М. : ЦПУР ; Антикоррупционный центр НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.
16. Рудых А.А. О некоторых направлениях цифровизации расследования преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 3 (25). С. 70–79.
17. Степаненко Д.А. Криминалистическая наука в реалиях информационного общества // Криминалистические чтения на Байкале – 2015 : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 18–19 июня 2015 г. / под ред. Д.А. Степаненко. Иркутск, 2015. С. 105–109.
18. Степаненко Д.А., Коломинов В.В. Цифровая реальность и криминалистика // Глаголь правосудия. 2018. № 3 (17). С. 38–43.
19. Грибанов Ю.И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции : дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2019. 355 с.
20. Коломыченко М. TOR хозяйствующих субъектов // Издательский дом Коммерсантъ. 2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2861002> (дата обращения: 25.04.2021).
21. Титаев К., Шклярук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М. : Норма, 2016. 192 с.
22. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2 (104). С. 43–49.
23. Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3 (38). С. 28–34.
24. Степаненко Д.А., Бахтеев Д.В., Евстратова Ю.А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 206–214.
25. Alarie B., Niblett A., Yoon A. How Artificial Intelligence Will Affect the Practice of Law // International Review of Intellectual Property and Competition Law (IIC). 2017. Vol. 43, № 5. P. 532–554.
26. Buocz Th.J. Artificial Intelligence in Court: Legitimacy Problems of AI Assistance in the Judiciary // Retskraft – Copenhagen Journal of Legal Studies. 2018. Vol. 2, № 1. P. 41–59.
27. Re R.M., Solow-Niederman A. Developing Artificially Intelligent Justice // Stanford Technology Law Review. 2019. Vol. 22, № 1. P. 242–289.
28. Чурзина Л.Д., Добряк И.В. Искусственный интеллект: робот и право. Может ли робот быть судьей? // Неделя науки Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. 2018. № 1 (1). С. 24–25.
29. Апостолова Н.Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 135–141.
30. Бехтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы. М. : Проспект, 2021. 176 с.
31. Остроух А.В., Суркова Н.Е. Системы искусственного интеллекта. СПб. : Лань, 2019. 228 с.
32. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М. : Буки Веди, 2017. 258 с.
33. Степаненко Д.А., Рудых А.А. К вопросу об использовании механизма удаленной идентификации и аутентификации в правоохранительной деятельности // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Третьей междунар. научн.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 мая 2021 г.) / под ред. Д.В. Бахтеева. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т, 2021. С. 318–326.

References

1. Akoff, R. (2002) *Akoff o menedzhmente* [Akoff on management]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
2. Porter, M. (2001) *Konkurentsiya* [Competition]. Translated from English. Moscow: Vil'yams.
3. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1992) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 72 500 slov i 7 500 frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 72,500 words and 7,500 phraseological expressions]. Moscow: Az" Ltd.

4. Karloff, B. (1991) *Delovaya strategiya: kontseptsiya, sodержanie, simvol'y* [Business strategy: concept, content, symbols]. Translated from English. Moscow: Ekonomika.
5. Prosalova, V.S. & Smol'yaninova, E.N. (2011) Teoreticheskie podkhody k formirovaniyu definitsii strategii [Theoretical approaches to the formation of the definition of strategy]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*. 4 (127). pp. 9–16.
6. Khizhnyak, D.S. (2018) *Metodologicheskie osnovy rassledovaniya transnatsional'nykh prestupleniy: model'nyy podkhod* [Methodological foundations of the investigation of transnational crimes]. Law Dr. Diss. Saratov.
7. Prosalova, V.S. (2011) Teoreticheskie osnovy ponyatiya "Strategiya" [Theoretical foundations of the concept "Strategy"]. *Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad*. 7. pp. 19–23.
8. Ansoff, I. (1989) *Strategicheskoe upravlenie* [Strategic management]. Moscow: Ekonomika.
9. Vikhanskiy, O.S. (1995) *Strategicheskoe upravlenie* [Strategic management]. Moscow: MSU.
10. Mintsberg, H. et al. (2001) *Strategicheskyy protsess* [Strategic process]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
11. Mintzberg, G., Ahlstrand, B. & Lampel, J. (2000) *Shkoly strategiy* [Strategy safari]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
12. Potapova, E.G., Poteev, P.M. & Shklyaruk, M.S. (eds) (2021) *Strategiya tsifrovoy transformatsii: napisat', chtoby vypolnit'* [Digital Transformation Strategy: Write to Execute]. Moscow: RANEP.
13. Surin, A.V. (2008) Printsipy razrabotki strategii razvitiya g. Moskvy [Principles of elaborating a strategy for the development of Moscow]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 1. pp. 1–18.
14. Stepanenko, D.A. (2020) Kiberprostranstvo kak modulyator protsessa rassledovaniya prestupleniy i razvitiya kriminalisticheskoy nauki [Cyber-space as a Modulator of the Investigation of Crimes and the Development of Forensic Science]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya*. 1 (27). pp. 77–88.
15. Komin, M. (ed.) (2019) *Sistema gosudarstvennykh zakupok v Rossii: konkurentsia protiv kachestva?: otchet o NIR / NIOKR* [Public procurement system in Russia: competition against quality?: report on research/R&D]. Moscow: TsPUR; Antikorrupsionnyy tsentr NIU VShE.
16. Rudykh, A.A. (2019) O nekotorykh napravleniyakh tsifrovizatsii rassledovaniya prestupleniy [On some directions of digitalization of crime investigation]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya*. 3 (25). pp. 70–79.
17. Stepanenko, D.A. (2015) [Forensic science in the realities of the information society]. *Kriminalisticheskie chteniya na Baykale – 2015* [Forensic readings on Baikal – 2015]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk. 18–19 June 2015. Irkutsk. pp. 105–109. (In Russian).
18. Stepanenko, D.A. & Kolominov, V.V. (2018). Tsifrovaya real'nost' i kriminalistika [Digital Reality and Criminalistics]. *Glagol' pravosudiya*. 3 (17). pp. 38–43.
19. Gribanov, Yu.I. (2019) *Tsifrovaya transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem na osnove razvitiya instituta servisnoy integratsii* [Digital transformation of socioeconomic systems based on the development of the institution of service integration]. Economics Dr. Diss. Saint Petersburg.
20. Kolomychenko, M. (2015) *TOR khozyaystvuyushchikh sub'ektov* [TOR of business entities]. Izdatel'skiy dom Kommersant". [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/2861002> (Accessed: 25.04.2021).
21. Titaev, K. & Shklyaruk, M. (2016) *Rossiyskiy sledovatel': prizvanie, professiya, povsednevnyy zhizn'* [Russian investigator: vocation, profession, everyday life]. Moscow: Norma.
22. Bakhteev, D.V. (2018) Iskusstvennyy intellekt v kriminalistike: sostoyanie i perspektivy ispol'zovaniya [Artificial intelligence in forensic science: state of the art and prospects for use]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. 2 (104). pp. 43–49.
23. Afanas'ev, A.Yu. (2018) Iskusstvennyy intellekt ili intellekt sub'ektov vyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy: chto pobedit? [Artificial intelligence or the intelligence of the subjects of detecting, disclosing and investigating crimes: what will win?]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*. 3 (38). pp. 28–34.
24. Stepanenko, D.A., Bakhteev, D.V. & Evstratova, Yu.A. (2020) Ispol'zovanie sistem iskusstvennogo intellekta v pravookhranitel'noy deyatel'nosti [The use of artificial intelligence systems in law enforcement]. *Vserossiyskiy kriminologicheskyy zhurnal*. 14 (2). pp. 206–214.
25. Alarie, B., Niblett, A. & Yoon, A. (2017) How Artificial Intelligence Will Affect the Practice of Law. *International Review of Intellectual Property and Competition Law (IIC)*. 43 (5). pp. 532–554.
26. Buocz, Th.J. (2018) Artificial Intelligence in Court: Legitimacy Problems of AI Assistance in the Judiciary. *Retskraft – Copenhagen Journal of Legal Studies*. 2 (1). pp. 41–59.
27. Re, R.M. & Solow-Niederman, A. (2019) Developing Artificially Intelligent Justice. *Stanford Technology Law Review*. 22 (1). pp. 242–289.
28. Churzina, L.D. & Dobryak, I.V. (2018) Iskusstvennyy intellekt: robot i pravo. Mozhet li robot byt' sud'ey? [Artificial intelligence: robot and law. Can a robot be a judge?]. *Nedelya nauki Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo morskogo tekhnicheskogo universiteta*. 1 (1). pp. 24–25.
29. Apostolova, N.N. (2019) Iskusstvennyy intellekt v sudoproizvodstve [Artificial Intelligence in Legal Proceedings]. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskyy vestnik*. 3. pp. 135–141.
30. Bekhteev, D.V. (2021) *Iskusstvennyy intellekt: etiko-pravovyye osnovy* [Artificial intelligence: ethical and legal foundations]. Moscow: Prospekt.
31. Ostroukh, A.V. & Surkova, N.E. (2019) *Sistemy iskusstvennogo intellekta* [Artificial intelligence systems]. Saint Petersburg: Lan'.
32. Morkhat, P.M. (2017) *Iskusstvennyy intellekt: pravovoy vzglyad* [Artificial intelligence: legal view]. Moscow: Buki Vedi.
33. Stepanenko, D.A. & Rudykh, A.A. (2021) [On using the mechanism of remote identification and authentication in law enforcement]. *Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii* [Technologies of the 21st century in jurisprudence]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg. 21 May 2021. Yekaterinburg: Ural State Law University. pp. 318–326. (In Russian).

Информация об авторе:

Смушкин А.Б. – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: skif32@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.B. Smushkin, Cand. Sci. (Law), associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: skif32@ya.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 10.11.2021;
одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 10.11.2021;
approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 20.05.2022.